

А.А. АУЗАН

Кризис ожиданий и варианты социального контракта

Есть такая философская притча: курица, регулярно наблюдая приход человека в курятник с зерном, обобщает и логически делает заключение: человек существует для того, чтобы кормить курицу. Но однажды он приходит в курятник не с зерном, а с ножом, что раз и навсегда научает курицу правильно делать научное обобщение. Ныне у меня есть ощущение, что мы сейчас прошли (не проходим, а прошли) очень серьезную историческую развилку и теперь главное – правильно сделать научное обобщение.

Первое – в стране нет экономического кризиса; в стране нет политического кризиса (мало ли какие партии не попали в парламент или, наоборот, наступила консолидация законодательной и исполнительной власти); в стране нет социального кризиса (на рельсах никто не лежит). Тем не менее в стране в последние месяцы, последний год имеет место *острый кризис ожиданий*.

Не сошлись ожидания различных групп. Для бизнеса неожиданность в том, что, оказывается, результаты приватизации стоят под вопросом. Президент регулярно отвечает, что пересмотра итогов приватизации не будет, но потом, буквально через минуту-другую, это дополняется уточнением, что пересмотра не будет в случае, если в 1990-е гг. не было нарушений законодательства. А ведь общеизвестно, что в тот период законодательство нарушалось повсеместно и потому при желании претензии можно предъявить любому. Власть тоже обманулась в своих ожиданиях, потому что, казалось бы, в 2000 г., после того, как наступило "замирение", предполагалось, что бизнес не станет вмешиваться в политику, не будет покупать политические партии (во всяком случае, оптом – несколько партий). Дальнейшие события показали, что и эти надежды не оправдались. Острое чувство обманутости ожиданий характерно и для значительной части населения, что ярко демонстрируют опросы последнего года, свидетельствующие о том, насколько близко к сердцу принимают проблемы перераспределения многие группы наших сограждан. В 1991–1993 гг. им обещали, что намечаемая приватизация даст положительные результаты для всех, а сегодня они этих результатов для себя не видят.

Перечень обманутых ожиданий можно продолжить и касаясь иных аспектов нашей жизни. Например, некоторое изумление вызывают позиции и действия силовых структур, потому что 1991 г. фактически означал амнистию для тех, кто действовал в правоохранительных органах СССР. Тогда вопрос о люстрациях не был поднят, хотя он и обсуждался. Вроде бы произошла амнистия для тех, кто в КГБ СССР или в прокуратуре СССР боролся с инакомыслящими. Проходит 10 лет, и люди, которые

Аузан Александр Александрович – доктор экономических наук, профессор, президент Института национального проекта "Общественный договор", заведующий кафедрой прикладной и институциональной экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

тогда были капитанами, а теперь стали генералами, отказываются обсуждать вопрос об амнистии, скажем, за налоговые преступления в 1990-х гг.

Таким образом, налицо полное несовпадение ожиданий и реальности, которое, как мне кажется, нельзя объяснить только разной интерпретацией "конвенции" 2000 г., когда В. Путин, например, при встрече с бюро Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) объявил, что война осталась позади, что теперь страна переходит к "равноудаленности" и т.д. и т.п. По сути, эту "конвенцию" постигла судьба предыдущих. Ведь была "конвенция" 1996 г., когда олигархи перестали стрелять друг в друга и договорились с Б. Ельциным о поддержке на определенных условиях. Были молчаливые или, наоборот, громкие политические декларативные "конвенции" 1991–1993 гг. Наконец, Конституция 1993 г. – тоже определенная "конвенция", причем уже с юридическим статусом. Но вновь и вновь встает вопрос: будет она пересматриваться или нет?

Размышления о причинах столь явного кризиса ожиданий, на мой взгляд, очевидно подводят ко второму вопросу: что же у нас в стране происходит с *социальным контрактом*? Вообще, социальный контракт в обществе отнюдь не всегда существует, если мы его понимаем не просто как исследовательскую интерпретацию. Есть ряд инструментальных наработок, которые позволяют измерять, есть в обществе социальный контракт или нет. Потому что когда в обществе нет социального контракта, то существуют высокий уровень неопределенности в правилах, коллизии в правилах и есть даже способы замеров уровня анархии в обществе, уровня агрессивности поведения при неопределенности правил и т.д.

Разумеется, услышав слова "социальный контракт", "общественный договор", мало-мальски образованный человек тут же рефлекторно произнесет "Жан-Жак Руссо". Человек чуть более образованный скажет также "Локк" и "Гоббс", что вполне справедливо, ибо Д. Локк и Т. Гоббс заложили философские основы понимания социального контракта, точнее – двух разных типов социального контракта. Идеи социального контракта разрабатывались фактически с позднего средневековья, с появления итальянских торговых республик и в XVIII в. развернулись в теорию, получившую необычайную популярность. Но вот XIX и XX вв. оказались для теории общественного договора мертвой зоной. Дело в том, что старая теория социального контракта сильно скомпрометировала себя: можно вспомнить, что в версии Ж.-Ж. Руссо она стала идеологической основой Великой французской революции. И когда вся Европа увидела, что дело кончилось массовыми казнями и якобинским террором, что тирания оказалась даже хуже традиционной патриархальной королевской власти, о социальном контракте как-то забыли и стеснялись вспоминать иначе, как в курсах истории философии. Потребовалось почти два века, чтобы понять, в чем были ошибки теории социального контракта, какая ревизия ее категорий нужна.

Собственно, и ошибок-то было не так уж много – всего три-четыре, но они и сыграли со старой теорией злую шутку. Первой такой ошибкой было понимание государства: здесь есть понимание опасностей государства, но лишь очень ограниченные представления о том, что же может служить альтернативой государству. Взгляд в этой теории очень простой: либо государство, либо анархия.

Сейчас появилось много работ не только по теории государства, но и по теории анархии, в том числе и разные модели, учитывающие опыт нескольких попыток уничтожить государство, предпринятых в XIX и XX вв. Тогда обнаружилась поразительная вещь: все подобные попытки приводили лишь к новому огромному усилению государства. Государство всегда выходило из революций значительно более мощным. Изначально не сознавали, что государство как организация обладает сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, и потому любое применение насилия к государству только выявляет конкурентоспособность этого института, усиливает его и дает ему питательную среду. Государство можно только "душить в объятьях".

Существенные сдвиги произошли и в понимании анархии, потому что в конце XX в. вполне почтенные философы и экономисты стали писать, что в современном общест-

ве существуют виды анархии, которые представляют собой благо. Это анархия конституционная, упорядоченная. Дж. Бьюкенен приводит пример того, как строится университетская жизнь. Когда она идет нормально, там очень много анархии – то есть правил неформальных, не прописанных, не имеющих специальных механизмов принуждения, но тем не менее соблюдаемых – просто потому, что представляют предмет всеобщего согласия, консенсуса. И это идеально в смысле издержек поведения, издержек принятия решений. Это ведь тоже один из вариантов анархии. Таким образом, анархия оказалась более тонким явлением, чем представлялось ранее.

Вторая ошибка, которая потребовала ревизии представлений, – принцип равенства и принцип большинства. Парадоксально: до конца XX в. люди, за исключением, может быть, великого шведского экономиста К. Векселя, писавшего об этом еще в начале века, не задумывались над принципиальной ограниченностью принципа большинства. Ну что такого мистического в цифре 51%? Тем не менее, в логике старой теории эта "мистика" понятна: почтение к 51% опиралось на скрытую предпосылку, что все люди одинаковы, что у них одинаковые предпочтения и, более того, одинаковая интенсивность этих предпочтений. Но на самом-то деле это не так: у людей разная структура и интенсивность предпочтений. Эту предпосылку пришлось поменять. И в новой теории существует идея обмена голосами, обмена правами, потому что одним нечего нужно более, чем другое, а другим нужно еще что-то более, чем первое. Это – основа для достижения согласия по всем вопросам, это принцип консенсуса разных, а не одинаковых людей. Поэтому, строго говоря, в принятии решений есть всего два принципа: единогласие и не единогласие. А если это не единогласие (отказ от которого иногда вполне оправдан, поскольку издержки согласования могут оказаться запрительно велики), то может иметь смысл, чтобы решения принимал не 51%, а один человек или небольшая группа. В этом смысл оперативного управления. Иными словами, все регулируется в соответствии с теорией коллективного выбора соотношением издержек принятия решений, издержек согласования интересов. И то и другое – транзакционные издержки.

Третий момент, который потребовал кардинального пересмотра, – вопрос о функции общественного благосостояния и связанная с этим идея справедливого распределения. Дискуссии вокруг функции экономического благосостояния в экономической теории до сих пор не затихли. Некоторые экономисты до сих пор полагают, что можно максимизировать функцию общественного благосостояния и что ее максимизация и является целью политики, целью преобразований. Но что означает само понятие функции общественного благосостояния? Это означает, что все люди одинаково понимают "хорошо" и "плохо". Более того, то, что хорошо для одного, хорошо для всех. Обе предпосылки сомнительны, поэтому с функцией общественного благосостояния дело иметь опасно. В XX в. государство как раз и посвятило себя максимизации функции общественного благосостояния, особенно в этом преуспели тоталитарные государства – они максимизировали его изо всех сил. У К. Чапека есть фраза: "В Австралии было основано идеальное государство, в результате чего эта цветущая страна превратилась в пустыню". Попытки массово максимизировать общественное благосостояние усилиями государства, как правило, приводили к возникновению пустыни. С этим связана и идея справедливого распределения. Неверно, что она была рождена революционными течениями XIX в.: она была заложена в старой теории общественного договора. Там переход от анархии к общественному договору выглядит как признание распределения в соответствии с производственной функцией каждого участника. Вот это и есть идея распределения. Только тогда говорили не о производственной функции, а о простом производстве, когда каждый владеет собственным продуктом и условиями его производства. Однако кроме функций производства существуют функции по защите и захвату или, говоря языком институциональной экономики, у участников рынка и общества неодинаковая переговорная сила, а значит, перераспределение не будет соответствовать индивидуальным производственным функциям. Есть еще одно корректирующее обстоятельство. Помимо различия индивидуальных производст-

венных функций, функций по защите и захвату и различия в переговорной силе существуют и определенные представления об уровне этих функций; и представления эти никогда не бывают полностью адекватными. А люди будут руководствоваться распространенными общественными представлениями – что мафия за каждым углом и охотится за каждым, что олигархи могут купить всех губернаторов и всех членов правительства, включая судебные инстанции... Такие представления неадекватны, но если люди ими руководствуются, то и распределение, конечно, будет больше соответствовать этим представлениям, чем реальной расстановке сил.

Наверное, это не полный перечень ошибок старой теории, которые и привели к почти двухвековому перерыву в ее разработке. Но, думаю, его достаточно, чтобы двигаться дальше. Если говорить не о коррекции старых идей, а о том, какие идеи в новой теории являются ключевыми, то я бы назвал три такие идеи:

1. Права человека образуют ядро социального контракта. Казалось бы, уже Руссо говорил, что "человек рождается свободным, а меж тем повсюду он в цепях", – это одна из главных идей его социального контракта. Но для новой теории права человека – вещь гораздо более осязаемая: это набор прав, причем не врожденных, не естественных, а *договорных*. Более того, обусловленных договором между самими людьми. В силу этого общество и государство – не одно и то же, потому что права человека определяют сами люди, а государство как агент лишь фиксирует и обслуживает их.

2. Служащие людей по поводу прав, их отношения с государством как с агентом обслуживаются довольно сложными структурами – коалициями. Общество имеет специфическую форму существования, специфические формы контрактов, свою коалиционную структуру. И опыт XIX–XX вв. показывает, что здесь нельзя бросаться ярлыками: "государство – это хорошо/плохо" или "общество – это хорошо/плохо". Коалиционная структура может состоять, например, из малых групп и распределительных коалиций, использующих в качестве селективных стимулов возможность принуждения. Такое общество оставляет тяжелое впечатление. А при этом возникает еще британская болезнь – то, что М. Олсон назвал институциональным склерозом. И это не нормативистский взгляд. Просто общество выражено в особой структуре институтов, в коалициях, которые можно типологизировать, исследовать, выполнить "расчет согласия" (способ исследования коалиции с помощью, например, теории игр).

3. Идея политики как обмена правами. В старой теории не было понимания публичной политики. Там политика – это действия государя, который исполняет либо не исполняет исходный социальный контракт. А то, что на базе контракта осуществляется непрерывный обмен и трансакции прав собственности и свободы, – конечно, открытие конца XX в.

Переходя к ситуации в России, нужно сознавать, что социальный контракт – вещь довольно инерционная. В частности, у нас мы имеем дело с социальным контрактом, который возник в XV – начале XVI в. У него есть общая родовая черта с контрактами, возникавшими в других странах: это гоббсовский контракт, контракт вертикального типа, когда люди заключают договор между собой посредством заключения договора с государством, и права тем самым немедленно оказываются в руках государства как объединяющей структуры; затем государство регулирует эти права: выдает или забирает, обменивает, сокращает, расширяет. По Локку же, это – два отдельных структурных элемента в социальном контракте. Договор о правах образует общество, а затем заключается договор о правлении – агентский договор с государством. Это, по существу, горизонтальный контракт.

В России городские республики были почти целиком уничтожены в результате татаро-монгольского нашествия. Это случайность, стечение обстоятельств. Ведь не все же страны, через которые прошло нашествие, испытали такое! Но нашествие на русские земли пришлось на ту фазу развития монгольской империи, когда монголы осознали, где лежат наиболее опасные центры сопротивления их господству. Город – это центр военного сопротивления, поэтому когда монголы пришли на русские земли, у них была задача взять города и увести ремесленников не для того, чтобы они работа-

ли в Орде (им не нужно было такой тонкой работы), а просто чтобы уничтожить силы подчиненного общества. Уничтожены были все вечевые города, обладавшие возможностями и способностями торговли и самоуправления, кроме, конечно, Новгорода и Пскова. Но и их судьба была предрешена, потому что восстановление произошло уже без учета интересов городских республик: вечевых городов больше не было. Абсолютная власть и централизованное государство в России восстанавливались на одной "ноге" – на военно-поместных отношениях, без торгово-ремесленных структур, и поэтому злейшим врагом для Московского государства стал Новгород. Его нужно было уничтожить как чужеродное тело. Нигде в западноевропейской истории вы не найдете такой отчаянной вражды к городской республике, как в истории русского самодержавия. Новгород уничтожали несколько раз под корень, потому что это было антителой, опасное для того типа контракта, который установился.

В итоге сформировались свои институциональные особенности в этом гоббсовском по сути контракте – самодержавие и крепостничество. Крепостничество – совсем не то же, что поземельная феодальная зависимость в Западной Европе, как справедливо полагал Г. Плеханов. Феодальная зависимость в Западной Европе имеет два основания. Первое – крестьянин владеет наделом и за это несет обязанности. Второе основание – насильственное. Была еще добровольная отдача под покровительство, коммендация. В России же крестьянину не надо обменивать свою свободу на владение землей – земельный фонд не ограничен! Поэтому происходит обратное – *не земля закрепляется за ним, а он закрепляется за землей*. Из этого следует целый ряд абсолютно уникальных экономических последствий.

Эта схема вообще не работает как экономическая схема. Если не будет постоянно присутствовать принуждение государства, у крестьянина нет стимула оставаться – его нужно удерживать. Затем на таких же основаниях развивается и вся промышленность. Г. Федотов, философ Серебряного века, написал в эмиграции замечательную работу "Россия и свобода", смысл которой в том, что Россия сумела открыть удивительную вещь. По всему миру прогресс и свобода функционально связаны меж собой: чтобы достичь прогресса, нужно расширять свободу. Россия же научилась достигать прогресса, не расширяя свободы. Все время происходит своеобразная мимикрия под то, что делалось в других странах: петровские реформы вроде бы похожи на то, что происходило во Франции, но есть одно отличие. Во Франции люмпенов загоняли на мануфактуры, чтобы принуждением создать отношения наемного труда. А в России ухитрились построить заводы с крепостными рабочими. Купец не имел права владеть крестьянами, и их приписывали не к купцу, не к заводчику, а к заводу! Это привычная схема русского крепостничества. Крепостной закреплен не за человеком, а за ресурсом. Он силой государства прикреплен к ресурсу – и к земельному, и к промышленному.

Если посмотреть на историю последних пяти веков, этот социальный контракт меняется циклически, выступая то в жестком авторитарном варианте, то в либерально-авторитарном. Договор этот в России несколько раз перезаключался, в том числе и после 1917 г.

Но вернемся к нынешнему состоянию социального контракта. По ряду признаков можно говорить, что в 1990-е гг. традиционный социальный контракт пришел в кризис, более того, в 1991 и 1993 гг. были прямые моменты анархии. Упала определенность прав – по статическому критерию равновесия. Мы можем говорить о высоком уровне анархии в 1990-е гг. еще по некоторым признакам: криминальный беспредел и мафия – младшая сестра государства, исполняющая в определенных ситуациях его функцию. Кстати, и состояние самого государства свидетельствует об уровне анархии. Взять хотя бы знаменитую проблему административных барьеров или того, что Г. Сатаров, А. Привалов и другие стали называть "административной агрессией". Дело не в том, что государство стало создавать высокие транзакционные издержки для ведения хозяйственной деятельности. Бизнес перенес бы эти издержки, если бы не одно обстоятельство – их непредсказуемый рост. К 2000 г. они росли колоссально быстро и по-

нятно почему: это способ извлечения доходов российским государством, способ извлечения ренты. Если говорить об административной агрессии, то это даже более серьезная форма, чем создание издержек, это – захват бизнесов, захват прав собственности. Причем граница между созданием издержек и отъемом прав собственности весьма подвижна.

В 1990-х гг. у нас был слабый, размытый социальный контракт, и встал вопрос о перезаключении социального контракта. Приметы этого состоят не только в признаках анархии, но и в том, что в первом структурном блоке социального контракта начинается движение. Социальный контракт устроен с современной точки зрения как "договор о разоружении"; договор о правах; договор об управлении и договор о производстве общественных благ, связанный с фундаментальными принципами организации и со способами принятия решений.

Просматриваются явные признаки, что договор о разоружении заключается. Начнем с того, что произошло с криминальным беспределом. Приведу два примера, которые касаются большого бизнеса, но то же относится и к среднему. В 1994 г. возникает Круглый стол бизнеса России – первая легальная организация с образованием юридического лица, которую создали между собой олигархи. Его смысл был простой: прекратить стрельбу между олигархическими группами. Это очень трудно, потому что нужно заключить мир, когда кто-то за кого-то не отомстил, когда у всех "скелеты в шкафу", да еще и заключить мир так, чтобы первый же, кто его нарушит, будет наказан. Тем не менее это произошло. В чем смысл новой версии РСПП? Это новое соглашение о разоружении, заключенное олигархическими группами, контролирующими разные части госаппарата о том, чтобы не использовать друг против друга правоохранительные органы. Довольно близкие задачи решаются и ассоциациями среднего бизнеса, с той лишь разницей, что для них, конечно, силовые структуры выступают не в качестве их собственного инструмента, а одни – в качестве "красной крыши", патронов или партнеров, другие – в качестве оппонентов. Но между собой они приходят к согласию о разоружении.

Я бы сказал, что тенденция заключения договоров о разоружении есть и в сфере отношений с государством, то есть в сфере административной агрессии. Могу привести примеры того, как положительные импульсы идут с обеих сторон контракта. Возьмем, например, розничные торговые компании. Их главная проблема в том, что слишком высоки издержки проведения импорта по белой схеме – поэтому импорт проводится либо по черной схеме, либо по серой. И вдруг группа крупных розничных компаний начинает демонстративно завозить до 5% товаров по белой схеме и увеличивает эту долю – при том, что имеют возможность белой схемой вообще не пользоваться. И делают это очевидным образом себе в убыток. Зачем же они это делают? Ответ я получил интересный: "Мы таким образом оплачиваем право на диалог с таможенным комитетом, показываем, что хотим легализоваться, а затем приходим и говорим: ведь экономически невозможно работать в белую". Здесь – типичный договор о разоружении.

Есть еще один забавный признак того, что договор о разоружении прогрессирует. Это сам высокий рейтинг Путина как ожидание некоторых шагов. Причем шагов этих ждет не только бизнес, но и население, которое, надеясь на прогресс в отстаивании своих прав, перестало прибегать к таким методам, как, например, "рельсовые войны".

Возникает вопрос: заключен ли реально всеобъемлющий договор о разоружении и возникли ли тем самым права? Нет, не заключен. Потому что, если верить новой теории социального контракта, чтобы перейти от договора о разоружении к договору о правах, нужно решить проблему компенсации. Мы ходили вокруг да около и пытались снизить издержки противостояния в обществе, выходя из этого анархического состояния 1990-х гг., но к решению реальной проблемы договора о правах мы в общем подошли только в 2003 г. Поскольку существует не только функция производства, но и функция защиты и захвата, то для того, чтобы изменить ситуацию, нужно, чтобы кто-

то кому-то заплатил, – тогда война заканчивается. В наших условиях это проблема компенсации во многом со стороны бизнеса, который в 1990-е гг. выиграл очень много: компенсации в сторону населения и бюрократии. Почему бюрократии? Потому что бюрократия обладает повышенной возможностью защиты и захвата и использует это для получения рентного дохода, а если она отказывается от него – ей надо за это заплатить! Это должны быть легальные формы содержания бюрократии.

Если же говорить о населении, у него в России за исключением нескольких групп, конечно, низкая переговорная сила. В то же время есть проблема компенсации для населения, которая связана с тем, что у нас разрушены позитивные права, то есть производимые государством общественные блага – образование, здравоохранение, социальное обеспечение. И население вправе требовать удовлетворяющую его компенсацию.

Итак, признаки договора о разоружении означают, что социальный контракт будет заключен, что набор прав будет признан. Но каков будет тип договора? Остаемся ли мы в гоббсовском типе договора? События 2003 г. во многом предопределили выбор типа социального контракта. В июле 2003 г. в начале событий вокруг ЮКОСа мы создали так называемую "кризисную группу" из крупнейших деловых объединений – это РСПП, ОПОРА, ряд гражданских организаций, объединенных Круглым столом "Народная Ассамблея". Мы довольно быстро договорились об основных точках совместного взгляда на выход из кризиса и обратились с письмом к президенту Путину. Суть того, что мы предлагали под названием нового общественного договора, – новый договор о разоружении, причем не сговор, а именно договор, чтобы были понятны блоки вопросов, был понятным переговорный процесс организованных сил и решена главная проблема – проблема компенсаций и признания прав.

На наше предложение мы получили полуположительный ответ, в который даже входило указание силовым органам вступить с нами в консультации и встретиться с силами бизнеса и гражданского общества 23–25 октября 2003 г. на Нижегородском форуме. Были подготовлены проекты решений, они обсуждались с руководством администрации президента (хотя, должен сказать, что в ходе этих консультаций отмечалось, что, признавая важность и необходимость переговорного процесса, власть была не готова принимать на себя какие-то обязательства). А затем наступило разрешение кризиса, связанное с арестом М. Ходорковского. Стало понятно, что кризис решен в пользу гоббсовского варианта, то есть права будет определять государство.

То, что произошло, причем не то, что сделала власть, а то, что легитимизировано голосованием на парламентских и президентских выборах 2003–2004 гг., показывает, что принятые решения поддерживаются значительными группами населения. На мой взгляд, все это свидетельствует о том, что некий пакт в России существует, что страна, как я уже показал, находится в специфической социальной ловушке, которая возникла отнюдь не в XX в. Похоже, мы в новой форме получаем те же институты, которые обозначаются труднопереводимыми на другие языки русскими словами – самодержавие и крепостничество. Заметьте, как у нас воспроизводятся эти же самые проблемы в XXI в., посмотрите, какие у нас снова обостренные проблемы в реформах, скажем, связанные с начинающим восстанавливаться институтом прописки (разрешительная прописка, это, конечно, крепостнический институт, что у нас происходит с армией, которую мы никак не можем реформировать по той простой причине, что это – мощнейший крепостнический институт, имеющий сходный экономический смысл.

Можно ли выйти из этой ловушки? Теоретически есть три варианта. Первый, неосмунпетерианский, фактически у нас неприменим, ибо опирается на набор возможностей, связанный с особенностями национальной идентичности и т.п. Второй, нортковский, вариант использовать можно, но это очень сложный и крайне редко встречающийся ход событий. Третий вариант наиболее привлекателен. Очень близкие ему образы проблем и болезней просматриваются в США XVIII в. или в Англии XVII в., как описывает их Э. де Сото. Анализ показывает, что теоретически, используя эти образцы, возможен выход из нашей ловушки. Однако надо учитывать, что сам по себе

экономический рост автоматически этого не дает. Конечно, мы можем считать свою страну бедной, но по ВВП на душу населения мы точно богаче Англии XIX в.

Что же, как мне кажется, необходимо делать? И в условиях регенерации традиционного для России гоббсовского социального контракта возможны определенные действия внутри его, улучшающие ситуацию. Главным вопросом гоббсовского контракта становится налоговый вопрос. В гоббсовском контракте – это подать, рента, которая платится правительству за создаваемые им условия, чтобы население могло производить еще больше ренты. У нас это сводится к вопросам не только обложения налогами, но и к издержкам, которые государство взыскивает с реального производителя, вводя дополнительные подати, возводя административные барьеры, потворствуя коррупции. Поэтому первый вопрос – это уровень бремени государства.

Второй вопрос связан с легализацией принятых правил игры. Слава богу, только в условиях тоталитарного государства гоббсовский контракт является всеобщим и всеобъемлющим. Такого государства у нас нет и, думаю, не будет. Из этого следует, что в лакуне существует локковский контракт и есть возможности горизонтальных связей. Только не надо их абсолютизировать: горизонтальные связи могут быть не только положительными, но и отрицательными (вспомним распределительные коалиции, которые формируются в обществе, а потом захватывают регуляторы и используют государство как инструмент). И в нашем гражданском обществе, и в нашем бизнесе есть как распределительные коалиции, так и основы широких коалиций, которые тормозят развитие и перераспределяют ренту или пытаются каким-то образом создавать новый набор правил.

Мне кажется, что мы должны набраться терпения и понимать, что нужно теперь говорить о реформах не в 2–4 года, а в 20 лет. О реформах в двух системах координат: внутри гоббсовского контракта и в его лакунах, где действует локковский контракт. Потому что переход от гоббсовского контракта к локковскому – вещь вполне возможная. Напоминаю, что подавляющее большинство ныне развитых стран начинали в гоббсовском контракте, а теперь живут в локковском.